

16. Общественные блага, общественный выбор и формирование экономической политики

Изучение внешних эффектов позволяет сделать интересные выводы. Действительно, при наличии внешних эффектов отдельные лица могут получать часть полезности от произведенного и потребляемого блага или нести расходы на его производство, не являясь при этом ни покупателем, ни продавцом этого блага.

По форме все выглядит таким образом, будто развитие производства создает объективные предпосылки отрицания рыночных форм взаимодействия субъектов. Наиболее очевидным выходом из складывающегося положения может стать реализация идей централизованного регулирования экономики.

Однако по содержанию мы получаем значительно более сложную ситуацию. С одной стороны, не всегда однозначным представляется утверждение о том, что внешние эффекты не позволяют достигнуть эффективного равновесия, а их преодоление, или интернализация, способно обеспечить общественно эффективный объем производства. Ведь в обществе переплетаются мотивы очень большого количества субъектов, и далеко не для каждого из них рыночные критерии представляются наилучшими. В конце концов, негативное влияние внешних эффектов на формирование структуры общественного производства – это лишь теоретический вывод одной из экономических школ.

С другой стороны, даже если следовать классической традиции, нельзя не отметить исключительную сложность интернализации внешних эффектов.

Вместе с тем опыт стран с развитыми рыночными традициями свидетельствует о том, что за основу интернализации внешних эффектов следует брать принципы свободной экономики. Так, отрицательные внешние эффекты – это скорее следствие неразвитости рыночных институтов (неопределенности отношений собственности, например) и инфраструктуры рынка, нежели имманентная характеристика самого рынка. Поэтому эффективнее всего проблемы, вытекающие из отрицательных внешних эффектов, могут быть решены не с помощью замены рыночного механизма каким-либо иным, а посредством его модернизации.

Что же касается положительных внешних эффектов и вытекающих из них проблем производства общественных благ, то попытки справиться с ними породили целое научное направление, изучающее закономерности взаимодействия политических и экономических институтов. В 1987 г. Дж. Бьюкенен получил даже Нобелевскую премию по экономике за исследования в области теории общественного выбора. Настолько важными представляются научной общественности эти проблемы.

Однако данный факт вовсе не свидетельствует о полной ясности в этом направлении. Вещи, на первый взгляд кажущиеся простыми и даже очевидными, при детальном рассмотрении раскрываются с совершенно неожиданной стороны. На постсоветском пространстве данная тенденция особенно ощутима. Последнее объясняется как тем, что политический выбор в его цивилизационном понимании все еще является для нас экзотикой, так и тем, что осуществляется этот выбор, как правило, в весьма специфических экономических и политических условиях.

16.1. Общественные и частные блага. Характер формирования спроса на общественные блага и их предложения

Большинство товаров и услуг, производимых в обществе, являются частными товарами и услугами. Частный товар или услуга покупается потребителем, который желает и может себе их позволить, а затем потребляется только этим потребителем или другими лицами, если данный потребитель пожелает этого. То есть каждая единица частного блага может быть оценена и продана, при этом она приносит полезность только покупателю, не создавая положительных или отрицательных внешних эффектов для третьих лиц.

Таким образом, частные блага обладают двумя характеристиками:

1. Они избирательны в потреблении или конкурентны, т. е. потребление этих благ одним человеком делает невозможным их потребление другими людьми.

2. Они исключаемы, т. е. лица, не платящие за эти блага, легко могут быть исключены из сферы их потребления. Другими словами, эти блага недоступны тем, кто не способен уплатить за них рыночную цену.

Названные две характеристики частных благ очень важны, поскольку именно они лежат в основе формирования рыночных цен, а следовательно — в основе определения эффективного выпуска этих благ. Платит за благо именно тот, кто его потребляет, и его готовность платить соответствует предельной полезности этого блага. Такое положение вещей приводит к тому, что рынки с совершенной конкуренцией обеспечивают наиболее эффективное (в соответствии с общественными потребностями) распределение ресурсов общества.

Однако в обществе зачастую возникают объективные предпосылки для нарушения этого механизма. Одной из этих предпосылок является существование общественных благ, т. е. благ, не удовлетворяющих двум вышеназванным характеристикам. В отличие от частных благ, общественные блага имеют две особенности:

1. Они неизбирательны в потреблении или неконкурентны, т. е. потребление этих благ одним человеком не снижает их доступности для других людей. Проще говоря, появление дополнительного потребителя не уменьшает доступности этих благ для уже существующих потребителей.

2. Эти блага неисключаемы, т. е. их потребление не является исключительным правом только тех людей, которые платят за них. Лица, не желающие платить за эти блага, не могут быть лишены возможности их потреблять.

Конечно, две названные противоположные для частных и общественных благ характеристики не всегда присущи тому или иному благу в полной мере. Более того, чистое общественное благо, т. е. благо, в полной мере характеризующееся неизбирательностью и неисключаемостью, является, как правило, теоретическим допущением (как впрочем, и чистое частное благо). Огромное количество товаров и услуг по своим характеристикам находятся в промежуточном положении.

Так, например, благо может быть неизбирательным в потреблении только в том случае, если количество потребителей не превышает некоторой величины. Появление слишком большого количества дополнительных потребителей приводит к снижению полезности, получаемой от этого блага уже существующими пользователями. Такие блага называют перегружаемыми общественными благами. Хорошим примером таких благ является морской пляж. Увеличение количества загорающих на пляже до некоторой величины не создает особых неудобств. Однако обязательно наступает момент, когда дальнейшее увеличение потребителей приводит к тесноте и ограничивает возможности полноценного отдыха.

Неисключаемость общественного блага также может быть неполной. Достаточно часто встречаются общественные блага, на которые легко назначить цену и проследить за тем, чтобы она вносилась всеми, кто эти блага использует. Речь идет об исключаемых общественных благах. Примером может служить общественный транспорт в городах. Важно, что данное общественное благо является также и перегружаемым. Поэтому плата за проезд в общественном транспорте не столько компенсирует издержки на его содержание, сколько предотвращает перегрузку.

Несмотря на то, что в реальной жизни чистые общественные блага встречаются довольно редко, именно эту абстракцию целесообразнее всего исследовать для того, чтобы выявить характер формирования спроса на общественные блага и их предложения.

Таким образом, чистые общественные блага — это такие блага, создание и потребление которых сопровождается значительными положительными внешними эффектами. Другими словами, если чистое общественное благо используется хотя бы одним человеком, возникает возможность его использования другими потребителями. Причем эта возможность может быть реализована без дополнительных издержек и ущерба для первого потребителя. Казалось бы, такое положение вещей имеет чисто позитивное значение, поскольку способствует возрастанию общественных выгод от использования блага. Однако подобное впечатление ложно.

Реализация общественной полезности является результатом использования уже созданного и потребляемого блага. Предложение же блага на рынке (а именно это является необходимым условием его потребления) формируется на основе не суммарной общественной выгоды, а выгоды индивидуумов, которые платят за благо. Проще говоря, внешние эффекты не принимаются во внимание при принятии решения об объемах производства, что неизбежно приводит к занижению объемов его предложения.

Проиллюстрируем данное положение на следующем примере.

Предположим, что на некоем хуторе N проживает три семьи: Ивановых, Петровых и Сидоровых. Для освещения прилегающей к хутору территории необходимо установить уличные фонари. В силу некоторых причин установка первого фонаря приносит семье Ивановых выгоду равную 400 рублей, а семье Петровых — 240 рублей, а семье Сидоровых — 160 рублей. Полезность от каждого последующего фонаря в соответствии с принципом снижения предельной полезности уменьшается для семьи Ивановых на 50 рублей, для семьи Петровых на 30 рублей, для семьи Сидоровых на 20 рублей. Сведем данные в таблицу:

Предельная полезность фонарей								Таблица 16.1.
Семьи	1-й фонарь	2-й фонарь	3-й фонарь	4-й фонарь	5-й фонарь	6-й фонарь	7-й фонарь	8-й фонарь
Ивановы	400	350	300	250	200	150	100	50
Петровы	240	210	180	150	120	90	60	30
Сидоровы	160	140	120	100	80	60	40	20
Суммарная предельная полезность	800	700	600	500	400	300	200	100

Предположим также, что установка каждого дополнительного фонаря обходится в 300 рублей. В данной ситуации, если решение о количестве установленных фонарей будет решаться индивидуально, будет установлено только три фонаря, причем их установку оплатит семья Ивановых:

Предельная
полезность
и предельные
издержки
(руб. за 1 фонарь)

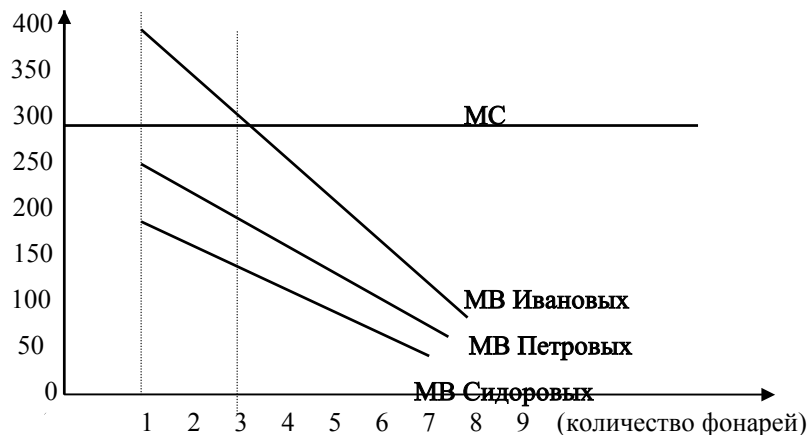

Рис. 16.1. Установка фонарей на хуторе N:

МВ – предельная полезность (выгода); МС – предельные издержки

Вместе с тем мы видим, что при установке трех фонарей совместная предельная полезность от использования 3-го фонаря равна 600 рублей, т. к. Ивановы получают от 3-го фонаря 300 рублей полезности, Петровы — 180 рублей полезности, Сидоровы — 120 рублей полезности. Фактически семья Ивановых, финансируя установку фонарей, создает положительные внешние эффекты для семей Петровых и Сидоровых. Это означает, что количество установленных фонарей меньше эффективного, т.к. предельные издержки установки третьего фонаря (300 рублей) намного ниже предельных выгод, связанных с его использованием.

Подобное положение складывается потому, что характер формирования спроса на общественные блага существенно отличается от характера формирования спроса на частные блага.

Как известно, для чистого частного блага объем спроса при каждой цене представляет собой сумму объемов спроса индивидуальных потребителей при этой цене. Это происходит потому, что каждая единица чистого частного блага покупается и потребляется индивидуально. В случае же с чистым общественным благом имеет место другая ситуация. Несколько потребителей одновременно потребляют одно и то же благо. Поэтому кривая рыночного спроса на чистое общественное благо представляет собой сумму полезностей, полученных всеми потребителями при каждом объеме. Другими словами, если в случае с чистыми частными благами при определении кривой рыночного спроса суммирование осуществляется по горизонтали, т. е. суммируется количество, то в случае с чистыми общественными благами суммирование осуществляется по вертикали, т. е. суммируется предельная полезность. Поэтому для чистых общественных благ кривая рыночного спроса более крутая, чем кривые индивидуального спроса, в отличие от случая с чистыми частными благами, где ситуация обратная.

Эффективный выпуск чистого общественного блага будет осуществляться при соблюдении условия:

$$MSC = MSB = \sum MB,$$

где MSC — предельные общественные издержки производства чистого общественного блага;

MSB — предельные общественные выгоды от производства чистого общественного блага;

ΣMB — сумма предельных индивидуальных выгод от производства чистого общественного блага.

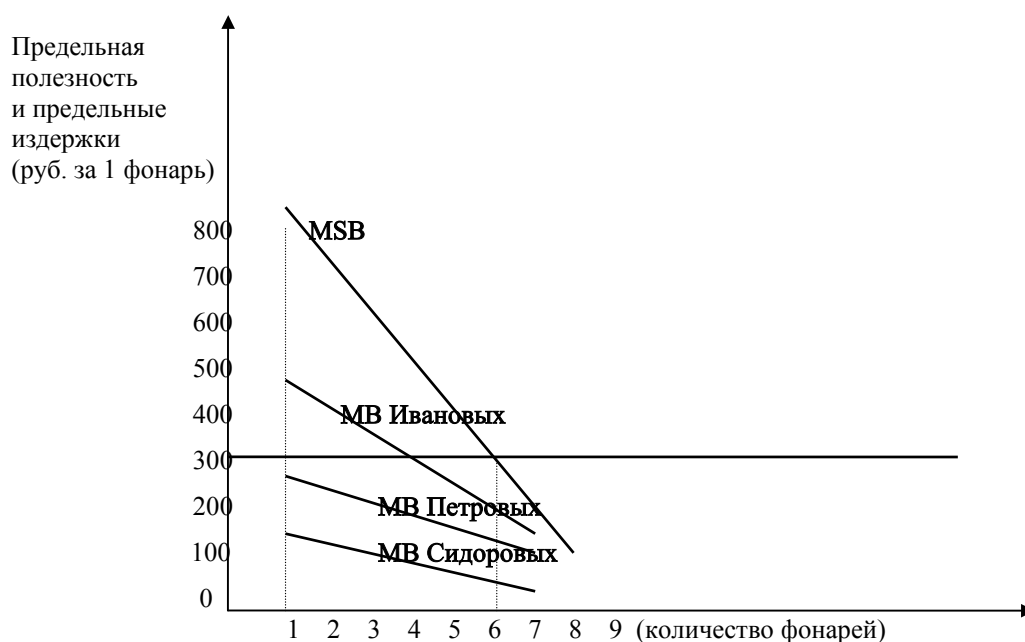

Рис. 16.2. Установка эффективного количества фонарей на хуторе N:

MSB — предельные общественные выгоды; MB — предельная полезность; MC — предельные издержки

Таким образом, эффективным количеством фонарей, которые следует установить на хуторе N, будет 6 фонарей. Именно при таком их количестве величина предельных общественных выгод от использования фонарей будет равна предельным издержкам, связанным с их установкой.

Однако маловероятно, чтобы на хуторе N было в действительности установлено 6 фонарей. Ведь для этого необходимо, чтобы три вышеназванные семьи собрались и приняли совместное решение. То есть интернализация положительных внешних эффектов требует неременной добровольной кооперации. Проблематичность такой кооперации заключается в том, что каждая семья должна точно продекларировать величину полезности, получаемой от установки каждого дополнительного фонаря. И беда не в том, что им будет трудно определить эту полезность, а в том, что последнее влечет за собой появление (или возрастание) соответствующих издержек.

Положительные внешние эффекты представляют собой, как мы выяснили ранее, неоплачиваемую полезность. Сомнительно, чтобы кто-то сознательно отказывался от удовольствия получать выгоду, не оплачивая ее.

Чтобы подтвердить это наше предположение, представим себе ситуацию, когда семьи Петровых и Сидоровых занижают выгоду, полученную ими от установки дополнительного фонаря, вдвое. В этом случае получим таблицу 16.2:

Иждивенчество

Таблица 16. 2.

Семьи	Действительная (д) и признаваемая (п) предельная полезность фонарей									
	1-й фонарь		2-й фонарь		3-й фонарь		4-й фонарь		5-й фонарь	
	Д	П	Д	П	Д	П	Д	П	Д	П
Ивановы	400	400	350	350	300	300	250	250	200	200
Петровы	240	120	210	105	180	90	150	75	120	60
Сидоровы	160	80	140	70	120	60	100	50	80	40
Суммарная предельная полезность	800	600	700	525	600	450	500	375	400	300

Если в данном случае будет приниматься коллективное решение о количестве устанавливаемых фонарей, очевидно, что при издержках в 300 рублей за один фонарь будет установлено всего 5 фонарей. В данной ситуации теряет каждая из трех семей. Семья Ивановых недополучает полезности в 150 рублей, семья Петровых — 90 рублей, семья Сидоровых — 60 рублей. Именно такими суммами выражается реальная полезность шестого (неустановленного) фонаря для каждой семьи.

А теперь посмотрим, какие выгоды получает в данной ситуации каждая семья.

Семья Ивановых за шесть фонарей должна была бы внести 900 рублей ($150 \text{ руб.} \times 6$), а за 5 фонарей вносит 1000 рублей ($200 \text{ руб.} \times 5$). То есть кроме того, что Ивановы недополучили 150 рублей полезности, они должны увеличить свои издержки на 100 рублей. Их общие потери таким образом, составят 250 рублей.

Семья Петровых за шесть фонарей должна была бы внести (если бы честно продекларировала свои выгоды) 540 рублей ($90 \text{ рублей} \times 6$), а вносит (занижая свои выгоды) 300 рублей ($60 \text{ руб.} \times 5$). То есть экономит на издержках 240 рублей. Их общие выгоды от лжи составляют, таким образом, 150 рублей ($240 \text{ руб.} - 90 \text{ руб.}$).

Семья Сидоровых за шесть фонарей должна была бы внести (если бы честно продекларировала свои выгоды) 360 рублей ($60 \text{ руб.} \times 6$), а вносит (занижая свои выгоды) 200 рублей ($40 \text{ руб.} \times 5$). То есть экономит на издержках 160 рублей. Их общие выгоды от лжи составляют, таким образом, 100 рублей ($160 \text{ руб.} - 60 \text{ руб.}$).

В конечном счете мы видим, что общие потери семьи Ивановых равны суммарным выгодам, получаемым семьями Петровых и Сидоровых. Это означает, что занижение двумя семьями своих выгод создает для них положительные внешние эффекты, которые оплачиваются семьей Ивановых.

Можно предположить, что семью Ивановых не устроит такое положение. Но поскольку доказать занижение собственной выгоды компаньонами Ивановы не могут, у них остается единственный выход поступить так же.

Результат отражен в таблице 16.3.

Посильная борьба с иждивенчеством

Таблица 3.

Семьи	Действительная (д) и признаваемая (п) предельная полезность фонарей											
	1-й фонарь		2-й фонарь		3-й фонарь		4-й фонарь		5-й фонарь		6-й фонарь	
	Д	П	Д	П	Д	П	Д	П	Д	П	Д	П
Ивановы	400	200	350	175	300	150	250	125	200	100	150	75
Петровы	240	120	210	105	180	90	150	75	120	60	90	45
Сидоровы	160	80	140	70	120	60	100	50	80	40	60	30
Суммарная предельная полезность	800	400	700	350	600	300	500	250	400	200	300	150

Коллективное решение в этой ситуации приведет к установке всего 3-х фонарей. Положительные внешние эффекты исчезнут, однако такое состояние далеко от эффективного, поскольку для каждой из трех семей увеличение количества установленных фонарей способно принести большую выгоду, чем издержки, связанные с такой установкой.

Дальнейшие попытки какой-либо семьи или всех семей занизить свои выгоды может привести к тому, что количество установленных фонарей окажется равным нулю.

Описанная проблема получила название проблемы «зайцев» или «безбилетных пассажиров». И хотя такое поведение препятствует достижению эффективного уровня финансирования затрат на общественные блага, отдельные потребители, как мы видим, вполне могут выиграть, став «зайцами». То есть в реальной действительности существуют мощные стимулы скрывать подлинную предельную полезность от общественных благ. Причем, чем больше группа людей, в которой осуществляется коллективное финансирование производства общественных благ, тем меньше вероятность быть разоблаченным и, соответственно, — больше соблазн получать выгоды без внесения соответствующей им доли.

По этой причине правительственные органы в большинстве стран с развитой экономикой не надеются на добровольные взносы как средство финансирования затрат для производства общественных благ. Общественные товары и услуги обычно финансируются за счет налогов и других обязательных платежей.

16.2. Общественный выбор и предложение общественных благ через политические институты

В современном мире значительное количество товаров и услуг производится и распределяется без использования рыночных механизмов. Поскольку последние не всегда могут обеспечить эффективный уровень производства, почти в каждой стране такие блага, как национальная оборона, охрана общественного порядка, парки заповедники, дороги общественного пользования, маяки и т. п. предоставляются правительствами. Потребление таких благ не является неисключительным правом, они не могут быть оценены, поэтому выгоды, связанные с потреблением этих благ, достаются всем гражданам. Конечно, правительственные органы предлагают не только общественные товары и услуги, но и такие, которые могут потребляться индивидуально. В этом случае правительство берет на себя функции социальной защиты, что еще в большей степени повышает важность общественного выбора. То есть значение правильности принимаемого решения в области экономической политики в этом случае многократно возрастает.

Следует обратить внимание на то, что наличие рыночных дефектов совсем не означает, что правительство справится с задачей эффективного производства общественных товаров лучше. Именно поэтому экономисты очень внимательно анализируют вероятность достижения правительством эффективного результата. На этой основе и возникла та часть экономической науки, которая получила название экономики общественного выбора.

В основу теории общественного выбора положен подход, связанный с применением базового экономического способа мышления к групповым решениям, принимаемым через институт выборов, или каким-либо государственным органом. Это означает, что избиратели, а также официальные лица и государственные служащие рассматриваются здесь как люди, руководствующиеся скорее своими собственными интересами, нежели какими-то абстрактными взглядами относительно общественного блага.

До появления работы Дж. Бьюкенена «Спрос и предложение общественных благ», увидевшей свет в 1968 г., большинство философов, специалистов в области политических наук, и даже многие экономисты не применяли систематически такой подход к общественному сектору, делая исключение разве что для порицания

отдельных случаев коррупции, становившихся явными чаще, чем об этом хотелось задумываться. Дж. Бьюкенен высказал предположение, что люди не меняются, покидая рынок и выходя на политическую арену. И в той, и в другой роли они пытаются использовать существующие институты для удовлетворения своих собственных интересов. Поэтому для того, чтобы улучшить функционирование политической системы государства, разумнее не искать лучших из лучших, чтобы потом избрать их в государственные органы, а искать пути ограничения избранных в определенных рамках.

Отличительная черта экономики общественного выбора состоит в детальном изучении реакции людей в общественном секторе на возникающие перед ними экономические ситуации. На первый взгляд это кажется очень простой мыслью. И действительно после присуждения Дж. Бьюкенену Нобелевской премии многим было непонятно, как могла столь простая идея заслужить столь престижную награду. Однако, несмотря на простоту идеи, отслеживание разных проявлений ее в обстановке реального мира является весьма сложной и запутанной проблемой. Это связано с тем, что государственные официальные лица, как правило, отрицают обвинения в поведении, продиктованном собственными интересами, а свидетельства такого поведения укрываются.

Между тем личный интерес и в этом контексте играет очень важную роль, и его анализ способен дать удивительные результаты. Именно этому анализу современная общественная наука обязана объяснением таких явлений, как «эффект специфических интересов», «рациональное невежество» со стороны избирателей, падение уровня участия в голосовании, противоречия результатов выборов и предпочтений избирателей, противоречие между тем, как кандидаты «подают себя» с целью добиться наибольшего успеха на выборах, и тем, как они торгуются, уже будучи избранными, стараясь получить желаемое. Вместе взятые, все эти идеи выстраиваются в теорию несостоятельности государства, которая может рассматриваться как веский аргумент в споре с активными сторонниками несостоятельности рынка.

Таким образом, экономика общественного выбора исходит из того, что политики и государственные должностные лица так же движимы собственными интересами, как и бизнесмены. Только вместо того, чтобы стремиться к максимизации прибыли, «политические предприниматели» стараются максимизировать власть, жалование, престиж и количество голосов. Однако на частных рынках, как правило, существует механизм конкуренции, направляющий поведение людей, определяемое личными интересами, в сторону общественного блага. Еще Адам Смит говорил, что поведение отдельного человека, определяемое личными интересами, «невидимой рукой» направляется в сторону, двигаться в которую у него не было ни малейшего намерения. Преследуя собственные интересы, человек часто служит интересам общества более успешно, чем когда он сознательно к этому стремится. Действие же политической «невидимой руки» приводит к иным результатам. Сконцентрированные специфические интересы власть предержащих, как правило, доминируют над общественным благом практически в любом отдельно взятом вопросе, так как они дают значительный выигрыш их носителям, в то время как каждый отдельный гражданин теряет при этом немного. Это имеет место даже в том случае, если общие потери общества превышают выигрыш, полученный лицами, принимающими политические решения.

Тем не менее, меры государственной политики часто предлагаются в качестве способов исправления рыночных дефектов. Поэтому встает очень важный вопрос: «Можем ли мы положиться на государство в деле исправления рыночных дефектов?».

Ответ на данный вопрос достаточно прост.

Это зависит от того, превышают ли ожидаемые выгоды ожидаемые затраты. Кроме того, следует постоянно делать поправки (часто весьма существенные) на случай несостоятельности государства. Ведь те же самые причины, по которым рынок бывает не в состоянии обеспечить эффективное производство необходимого количества товаров и услуг, затрудняют и государству задачу определения и реализации оптимальной экономической политики.

Таким образом, экономика общественного выбора, с одной стороны, порождает аргументы в пользу поддержания ограниченной роли государства в рыночной экономике, а, с другой стороны, требует наличия законодательных и конституционных механизмов, направленных на сведение к минимуму случаев несостоятельности государства.

Всякий общественный выбор осуществляется через определенные политические институты, т. е. с помощью правил и процедур, применяемых для перевода индивидуальных желаний избирателей в действия правительства.

В общем смысле политические институты могут быть представлены либо в форме непосредственной или прямой демократии, либо в форме представительной демократии. В том и другом случае индивидуальные потребители (избиратели) поставлены перед фактом, что издержки, связанные с производством единицы общественного блага, составляют такую-то величину. Другими словами, их не просят делать взносы, как мы предполагали выше, их просто ставят в известность о величине издержек и взыскивают необходимые средства в форме налога или какого-либо другого обязательного платежа. Различие двух этих моделей заключается в том, что в первом случае вопрос об изменении объема производства того или иного общественного блага всякий раз ставится на голосование. Этот подход получил название «принцип правления большинства», и выражается он в том, что правительство предпринимает некоторые действия только в том случае, если они одобрены более чем половиной граждан, участвующих в голосовании. Во втором случае граждане не участвуют в принятии каждого конкретного решения. Они лишь периодически избирают своих представителей в законодательные органы, а те голосуют по различным вопросам экономической (и не только) политики.

Рассмотрим в упрощенном виде, как действует каждая из этих моделей.

Фактически принятие решений с помощью прямой демократии означает всеобщее голосование. Эффективное использование этой модели предполагает полную информированность избирателя о собственных выгодах и издержках. Другим важным условием является обязательная уплата полной величины установленных налогов. То есть избиратель не может сам определять вносимую в качестве налога сумму. Конечно, он может повлиять на нее, подавая свой голос за определенное количество общественных благ, но не более того (в противном случае, как мы выяснили, неизбежно появляются «зайцы»). Таким образом, подавая свой голос «за» или «против», каждый избиратель выбирает приемлемый для себя объем производства общественного блага. Чтобы максимизировать свое благосостояние, люди сравнивают предельную полезность (выгоду), которую они могут получить при определенном уровне производства общественных благ с размером издержек, взимаемых в качестве налога.

Вернемся к примеру с фонарями, устанавливаемыми на хуторе N. Исходя из наших предположений каждой из семей известны те предельные выгоды, которые они могут получить от установки определенного количества фонарей. Предельные общественные (совместные) выгоды составляют 800 рублей для первого фонаря, 700 рублей для второго и так далее.

Поскольку предельные издержки по установке фонарей не меняются по мере изменения их количества и составляют 300 рублей, можно сделать вывод, что эффективным количеством фонарей на хуторе

N будет шесть фонарей. Установка именно шестого фонаря связана с получением предельных общественных выгод в размере 300 рублей. Однако мы видели, что рынок не обеспечивает такой объем производства вследствие проблемы «зайцев». Сможет ли политический выбор обеспечить эффективный объем производства? Другими словами, нам следует выяснить, за установку какого количества фонарей проголосуют жители хутора N?

Очевидно, что ответ на поставленный вопрос зависит от того, как будут распределяться издержки, связанные с установкой фонарей.

Предположим сначала, что издержки равномерно распределяются между семьями Ивановых, Петровых и Сидоровых, а решение принимается в результате голосования простым большинством голосов. Простейший анализ данной ситуации содержится в таблице 4.

Политическое равновесие на рынке при равномерном распределении издержек на общественные блага **Таблица 4.**

Семья	Выгоды от установки фонаря, издержки на установку и результаты голосования								
	1-й фонарь			2-й фонарь			3-й фонарь		
	выгоды	Издержки	рез-т лосования	выгоды	Издержки	рез-т лосования	Выгоды	Издержки	рез-т лосования
Ивановы	400	100	За	350	100	за	300	100	За
Петровы	240	100	за	210	100	за	180	100	За
Сидоровы	160	100	за	140	100	за	120	100	За

Семья	Выгоды от установки фонаря, издержки на установку и результаты голосования								
	4-й фонарь			5-й фонарь			6-й фонарь		
	выгоды	Издержки	рез-т лосования	выгоды	издержки	рез-т лосования	Выгоды	Издержки	рез-т лосования
Ивановы	250	100	за	200	100	за	150	100	За
Петровы	150	100	за	120	100	за	90	100	Против
Сидоровы	100	100	за	80	100	против	60	100	Против

Пятый фонарь в данном случае еще будет установлен, т. к. двое голосуют «за», один — «против». Шестой фонарь не будет установлен.

Таким образом, в случае, когда выгоды от общественных благ распределяются неравномерно, а издержки на производство равномерно, существует реальная перспектива недопроизводства общественных товаров.

Возьмем второй случай, в котором основная тяжесть затрат ложится на семью Ивановых (80 %), а семьи Петровых и Сидоровых покрывают лишь по 10 % издержек, связанных с установкой фонарей:

Таблица 16..5.

Политическое равновесие на рынке при распределении издержек пропорционально доходам

Ивановы несут 80% издержек, Сидоровы — 10% издержек

Семья	Выгоды от установки фонаря, издержки на установку и результаты голосования											
	1-й фонарь			2-й фонарь			3-й фонарь			4-й фонарь		
	выгоды	издержки	рез-т лосования	выгоды	издержки	рез-т лосования	выгоды	издержки	рез-т лосования	Выгоды	издержки	рез-т лосования
Ивановы	400	240	За	350	240	за	300	240	за	250	240	За
Петровы	240	30	За	210	30	за	180	30	за	150	30	За
Сидоровы	160	30	За	140	30	за	120	30	за	100	30	За

семья	выгоды от установки фонаря, издержки на установку и результаты голосования											
	5-й фонарь			6-й фонарь			7-й фонарь			8-й фонарь		
	выгоды	издержки	рез-т лосования	выгоды	издержки	рез-т лосования	выгоды	издержки	рез-т лосования	Выгоды	издержки	рез-т лосования
Ивановы	200	240	Против	150	240	против	100	240	против	50	240	против
Петровы	120	30	За	90	30	за	60	30	за	30	30	за
Сидоровы	80	30	За	60	30	за	40	30	за	20	30	против

В данной ситуации будет установлено семь фонарей, т. к. “за” голосуют двое, “против” — один. Восьмой фонарь не будет установлен.

Анализ, приведенный в таблице 5, показывает, что и в этом случае политическое равновесие не обеспечивает достижения эффективного объема производства. Но, в отличие от предыдущего случая, распределение издержек пропорционально доходам избирателей приводит к перепроизводству общественных благ.

Подобные ситуации достаточно часто встречаются в реальной действительности. Изложенные ниже размышления легко объясняют нам причины таких явлений, которые получили название «эффекта специфических интересов». Поэтому не следует возлагать слишком большие надежды на прямую демократию (референдумы, плебисциты и т. д.) даже в том случае, когда необходимо устранить рыночные дефекты в таких простых ситуациях, как наша. А поскольку в реальной жизни проблемы значительно сложнее, а способность избирателя правильно оценить свои выгоды и затраты очень низка, то и вероятность того, что политическое равновесие совпадет с эффективным, практически равна нулю. Референдумы, сознательно или нет, но используются политиками больше как орудие политических манипуляций, чем как средство поиска эффективного решения экономических проблем.

Кроме отмеченного недостатка прямая демократия страдает еще одним существенным изъяном. В данной модели практически отсутствует возможность реализовать свои интересы для меньшинства. Это очень существенный изъян, поскольку достаточно часто именно меньшинство выражает наиболее перспективные цели общества. Особенно остро эта проблема проявляется в переходных состояниях общественных систем. В таких условиях усредненный избиратель как правило сориентирован на сиюминутные цели и задачи.

Многие из отмеченных недостатков прямой демократии преодолеваются (или проявляют себя не столь остро) в политической системе, базирующейся на представительной демократии. Такой способ правления отличается от рассмотренного по крайней мере в двух отношениях.

Во-первых, в данной системе граждане голосуют периодически, избирая своих делегатов в представительные органы власти, а избранные представители, в свою очередь, голосуют по конкретным вопросам общественной жизни. В этой ситуации наиболее важно то обстоятельство, что принятие решения осуществляется, как правило, людьми, которые имеют для этого соответствующую квалификацию.

Во-вторых, модель представительной демократии вполне работоспособна не только в вопросе соизмерения затрат и выгод при принятии решений о производстве общественных благ, но и в ряде других случаев, когда необходимо принимать конкретные решения в области экономической политики. В этом смысле представительная демократия выступает едва ли не единственно возможной цивилизационной формой управления общественным производством со стороны государства.

Однако отмеченная роль представительной демократии не означает, что она лишена недостатков. Хорошо известны часто встречающиеся в политической жизни развитых стран случаи лоббирования или взаимной поддержки, когда судьба политического решения зависит не столько от реальных интересов общества, сколько от узкокорпоративных целей избранников или их финансовых и прочих покровителей. Эффект специфических интересов в этой модели может проявляться еще более пагубно для интересов общества, чем в модели прямой демократии. Возможности препятствовать этим негативным тенденциям следует искать в развитии политической активности избирателей, а также в создании институтов общественного контроля за деятельностью правительственных органов. К сожалению, даже очень развитые страны не могут похвастать наличием действенных механизмов, которые могут противостоять специфическим

интересам. В странах же с переходными общественными системами такие механизмы отсутствуют вовсе. Очевидно, это обстоятельство играет решающую роль в появлении и существенном прогрессе явления, получившего название «рациональное невежество». Смысл его сводится к решению не собирать информацию по политическим вопросам, о кандидатах в представительные органы власти, не участвовать в выборах и голосованиях, поскольку затраты на это превышают получаемые выгоды.

Таким образом, наличие рыночных дефектов и объективные предпосылки неэффективного распределения ресурсов посредством рыночного механизма вовсе не означают, что существуют более эффективные способы регулирования экономических процессов. Политический выбор, приходя на смену “невидимой руки” рынка, приносит в экономику зачастую еще более существенные дефекты, уводя ее еще дальше от состояния эффективности. Это обстоятельство и является главной причиной отрицательного отношения либеральных экономистов к регулирующей роли государства.